

Присвоенная дьяволом

Автор:

Ульяна Соболева

Присвоенная дьяволом

Ульяна Соболева

Отец продал ее еще до рождения в обмен на золото. Люба, студентка педагогического университета, едет на вечеринку с друзьями. А утром просыпается связанная по рукам и ногам в кузове грузовика. Ее похитили и везут по монгольским степям к будущему хозяину. Сбежать означает погибнуть лютой смертью, потому что ее сопровождает жуткий человек по кличке Дьявол и от него не спрятаться и не скрыться.

РИМЕЙК Проклятия Черного Аспида в СЛР! ПОВТОР СЮЖЕТА! МОЖНО ЧИТАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО ОТ ХАНА !Однотомник!

#Жестокий герой #Альтернативная Россия и Монголия #Любовь по принуждению #Рабство #ХЭ

ОСТОРОЖНО ЕСТЬ МАТ! В КНИГЕ МНОГО СТРАДАНИЙ! Розовые Единороги убежали к другим авторам)

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Присвоенная дьяволом

Пролог

Князев в Монголию приехал за золотом. Многие счастье пытали, и он решил. Сам. Информацию купил у немого узкоглазого старика в засаленной одежде и с растрепанными, жирными волосами. Тот рыбой торговал на рынке. Бумажку сунул Роману Антоновичу под нос.

«Я знать, где золото, показать хороший человек, где искать, а ты мне дать плата. У меня карта есть и пропуск. Продать тебе за небольшой деньги».

И пальцем в кошелек тычет. А Князев знает, самому золото не найти. В степях можно сгинуть. Нужно искать информатора, проводника. Информация дорого стоит. Хотя вряд ли этот бродяга что-то знает. Слишком оборванный. И рыба наверняка не его. Работает на кого-то за гроши.

– Зачем? Почему сам там не ищешь?

Плечами пожал, на уши показал, на ноги кривые и снова бумажку свою тычет, потом быстро написал огрызком карандаша.

«Я знать. Никто больше не знать. Ты искать золото Красный Дракон. Я знать где»

Князеву домой к молодой жене хочется. Обещал ей денег привезти, бизнес свой открыть, с долгами расплатиться. Кредитов набрал, а дело прогорело. Идеи новые толковые есть, а капитала на их реализацию нет. Обещал сделать жену не просто Князевой, а княгиней самой настоящей, чтоб в золоте купалась, на самых дорогих тачках каталась. Фамилия у него богатая, а за душой хрен с маслом.

«Лучше бы я за Наркисова вышла, а не за тебя...с пузом теперь. Ничего. Наркисов меня и с ребенком возьмет. А ты – бездарь никчёмная»

– Давай карту и пропуск!

И заплатил. Последнее монголу старому отдал, карту схватил, засунул в карман. А старик ему в ладонь монету кладет с изображением дракона и пальцы его

закрывает. Кивает, кланяется и уходит, пятясь назад. Глаза щелочки хитрые, маленькие.

Князев по сторонам осмотрелся и бежать с рынка. Теперь надо в степь добраться на попутках за копейки, а дальше по карте идти. Нашел водителя, сел в старую колымагу, а она его в сторону города повезла.

– Эй! Ты! Мне сюда! – тычет пальцем на карту, а водила кивает и едет. Привез в какую-то деревню с перекошенными домами. Чокнутый придурок.

– Ты куда приперся, идиот? Куда, мать твою, притащил меня?

Водила кланяется и рукой показывает на заведение с вывеской с красным драконом, а сам быстро в машину и по газам. Князев бросился было за тачкой, но мужика и след простыл, а заведение с вывеской манит, качается на ветру красный дракон. Толкнул дверь, вошел внутрь.

– Пропуск!

Охрана сцапала его за шиворот, и он ткнул им в лицо монету, которую дал на рынке старик. Огромные, лысые амбалы растворились в полумраке.

– Добро пожаловать в казино «Красный дракон», господин!

Певучий женский голос заставил обернуться, и девушка необычайной восточной красоты протягивает ему поднос с бокалом.

– У меня нет денег!

– У вас есть монета с Драконом. Это начальный капитал...Проходите в зал.

И пригласила его изящным жестом в полутемный зал, сверкающий красно-золотыми декорациями. Внутри тепло, пахнет пряностями и благовониями.

Дракон принес Роману счастье. Он выигрывал и выигрывал. Ставки росли, и фишки на его столе тоже росли. Если так пойдет, Князев выйдет отсюда миллионером. С ним играет женщина, трое мужчин и самый заметный из них –

совсем юный, длинноволосый, крупный парень с миндалевидными карими глазами, черными, как смоль, волосами и крупной татуировкой дракона на правой руке. Все выбывают, а они с молодым парнем остаются. И вот уже последняя игра, Роману снова везет, он выиграл так много, что у него пот течет по спине и руки дрожат.

- Ну давай еще раз! - предлагает парень с драконом.

- Давай!

Не может остановиться и...проигрыш. Всей суммы. Всего, что было. До копейки. До последней крошки. Парень смеется, загребая фишки, сверкая белоснежными зубами, а Роман в шоке. Он трясет головой, он в растерянности. Хватает парня с драконом за руку.

- Еще одна игра! Одна единственная!

- Тебе больше нечего ставить!

- Я... я поставлю все, что скажешь! Отработаю! Давай! Последняя игра!

- Жизнь!

Побледнел и посмотрел на смеющееся лицо парня. Несмотря на юный возраст, глаза темные, страшные, без дна. У таких нет возраста. Они вне измерений, с черной душой и дырой вместо сердца. И Роман понимает - его сюда заманили. Вся эта игра большой фарс. Эти выигрыши - фиктивные и подстроенные. Этот пацан с длинными волосами захотел отобрать его душу. Но потом здравый рассудок берет верх. Глупости. Кто и откуда мог знать, что он приедет и окажется на том рынке.

- Ты шутишь?

- Нет. Но ты можешь не соглашаться...

И развернулся, чтобы уйти...

Роман схватил его за рукав футболки. Ну что его, и правда, убьют? Реально? Это же глупости. Он согласится, а потом заберет фишки, обменяет их и уйдет. Пусть кто-то докажет, что он проиграл. Ведь ставки нет.

- Хорошо...давай. Пусть будет жизнь.

Князев бежит по улице, сжимая в руках сумку с золотом. Бежит и оглядывается, потому что ему кажется, что за ним кто-то крадется. Кто-то страшный и огромный. Мальчишка ведь его отпустил. Дал обменять фишки и уйти. Тогда кто преследует его теперь? Кто крадется в темноте, мелькает между домами и дышит в спину?

А потом ощутил, как захлестнулась на шее леска, как впилась в кожу и начала резать ее словно масло.

- Зачем сбежал? Ты ведь проиграл!

И сжимает сильнее, так, что у Князева глаза из орбит лезут и язык вываливается.

- Жизнь проиграл...помнишь?

Быстро кивает и хрипом молит.

- Поща...ди...жена...у ...ме..ня...бере...менна....пощади!

- Ты можешь унести все, что выиграл. Все золото. В обмен на девочку.

- Какую? - хрипит Князев, закатывая глаза и чувствуя, как капли крови катятся по ключицам. Леска распоролла плоть и впилась в мясо.

– Твоего ребенка. Его заберут. А ты отдашь. Но зато богатым станешь, и все золото тебе останется. Но ты можешь отказаться. Отдать деньги и уйти ни с чем. Как и пришел сюда. Согласен? Или отдашь ребенка моему хозяину, когда придет время.

По коже рябь ужаса прокатилась, поднимая дыбом каждый волосок. Представил себе, как возвращается домой к Алле без денег, даже без того, что брал с собой. Ведь он проиграл и кольцо обручальное, и свой сотовый, и даже золотую коронку.

Алла бросит его, уедет с ребенком к родителям.

У пацана страшный голос. Дьявольский, мрачный. Он говорит, а у Князева все тело леденеет. Нужно пообещать что угодно. Все равно Алла не особо хотела рожать, а когда придет то время...Черт его знает. Может, и обойдется все. Кто из этой зачуханной Монголии поедет в Россию Князева искать. Они здесь почти как первобытные живут. Может, это все розыгрыш какой-то.

– Согласен. Отдам.

Давление на горло прекратилось и...рядом никого не оказалось, только тень чья-то мелькнула сзади. А в руках сумка со слитками золота. Старик не обманул. Роман нашел свое богатство.

Побежал снова, спотыкаясь, к дороге, и назад не оглядываясь, кашляя и хватаясь за израненное горло. Утром уже в аэропорту был. Совсем другая жизнь теперь начнется у него с Аллой. Новая, роскошная. Долги раздаст, бизнес на ноги поставит, дом купит.

Приехал, и к жене в роддом. Обрадовать. Чтоб гордилась им, чтоб глаза загорелись

Его врач встретил, аккуратно на стул усадил, воды подал.

– Мы сделали все, что смогли. Кровотечение было очень сильным... Жену вашу спасти не удалось.

Внутри Романа все похолодело, и он широко раскрыл рот, захлебываясь в немом крике.

- Но мы спасли девочку.

Когда Князеву на руки положили рыжеволосую малышку с васильковыми глазами, он покрылся ледяными каплями пота.

Глава 1

Паника – самое отвратительное чувство, которое может испытать человек. Она оглушает своей необратимой тоскливой липкостью, когда кажется, что даже сама смерть стала бы избавлением. И я чувствую, как она забивается в меня повсюду, просачивается сквозь грубую мешковину, надетую на голову, оборачивается вокруг веревок на запястьях и на щиколотках, обжигает босые ноги, ступающие по колючей, сухой траве. Я не знаю, где я, не знаю, почему, я ничего не знаю. Мой мозг полностью дезориентирован. И я вся дрожу от суеверного ужаса, от предчувствия чего-то жуткого.

Это сон. Просто страшный сон, и я скоро проснусь. Открою глаза и пойму, что утро уже за окном, и не было ничего.

Меня толкают в спину грубо и больно. Между лопаток бьют чем-то острым, и я понимаю, что все же это не сон. Боль и ужас слишком реальны. Спотыкаюсь о комья земли или ветки. Куда меня тащат? Зачем я им? Где мы, и кто они такие? Эти вопросы сводят с ума и заставляют задыхаться в истерическом припадке ужаса.

- Пошла! Шевелись давай!

Кто-то хватает за затылок и, нагибая к земле, толкает вперед так сильно, что я падаю на колени и лицом вниз. Чувствуется запах земли, травы и навоза. Я понятия не имею, где мы. И мне почему-то кажется, что не в России. Вдалеке слышится плеск воды. Становится страшно, что нас могут утопить. Я всегда

боялась воды. С самого детства. Словно точно знала, каково это – тонуть, когда жидкость разрывает легкие, и адская боль мутит рассудок. Воды я боялась почти точно так же, как и человека из темноты. Он жил во мраке ночи. Я видела его с самого детства. Он появлялся беззвучно и совершенно неслышно. В черной маске на лице...и мне были видны лишь зрачки, полные ледяного холода. Склонялся над моей постелью, всматривался в мое лицо. Я бы закричала, но мой голос покидал меня, и я немела от панического ужаса. Всегда считала ЕГО своим ночным монстром. И если кому-то скажу, то он утащит меня в адскую бездну.

А однажды рассказала об этом отцу...Но ему было плевать. Он даже не отреагировал. Он вообще относился ко мне, как к пустому месту. Даже по имени не называл. В мои двенадцать я проснулась ночью от адской боли – на щиколотке вздулась рана, как от ожога, окно открыто, и сквозняк колышет белые шторы. Потом, когда это место заживет, шрам станет цифрой «9». Ожог замажут мазями, забинтуют и скажут, что я сама виновата – играла с зажигалкой в постели. От обиды я плакала и кусала губы до мяса, но и на это всем было плевать.

Со временем шрам стал очень аккуратным и четким.

«Меченая» кричал мой брат и тыкал в меня пальцем, а потом с гоготом убежал.

Когда мне было пять, отец женился, и у него родились сыновья...Их он обожал до умопомрачения. А я...Меня просто терпели. Кормили, одевали, и все. Младшим братьям было запрещено со мной играть и разговаривать, мачеха тоже ко мне не подходила. А отец, когда разговаривал со мной, в глаза и в лицо не смотрел.

Наверное, он ненавидел меня за то, что, когда я родилась, умерла моя мама. Говорят, он очень сильно ее любил... А еще я была рыжей. Светло-рыжей и голубоглазой. У нас в семье рыжих нет. Никого. В школу меня не отправили, учителя приходили на дом.

Раз в году меня вывозили на кладбище на могилу мамы. Мой День Рождения не отмечали и гостей не звали. Я бы не знала, когда родилась, если бы не походы на кладбище. Отец всегда стоял молча с букетом роз, и я молчала вместе с ним. Потом мы уходили. И в такие дни мне казалось, что он ненавидит меня еще сильнее. Спросить – за что, было не у кого. И со временем перестало иметь

значение.

Мне было шестнадцать. Меня отправили на другой конец страны. На Север. К тетке. И больше мой монстр не появлялся. Я даже успела о нем забыть... Впрочем, не появлялся никто из моей семьи. О них я тоже хотела забыть, и мне это удалось, когда я поступила учиться.

Чья-то тяжелая рука подняла за волосы с колен и тряхнула в воздухе так, что из глаз искры посыпались. Как вещь или мешок с ветошью. Стало страшно, что швырнет обратно на землю, и я раскрошусь на части от силы удара. Совсем рядом снова послышался плеск воды, и я вздрогнула от испуга, а от холода зуб на зуб не попадал. Своих ступней я не чувствовала уже давно, как и ладоней с кончиками пальцев. Но ублюдкам, подгоняющим нас грубыми окриками, было плевать на это.

- Когда нам заплатят? Я эту рыжую еле увез. Столько бабла за нее отвалил!

- Хозяин заплатит. Ты знаешь. Дьявол всегда честен.

- Жуткий ублюдок. Я когда его вижу, живот крутит и срать хочется.

- Памперсы носи.

О боже, кого в наше время еще называют «хозяином»? Это действительно страшный сон или жуткая шутка? Со мной не может все это происходить! Не можеет. Почему я? Как они обо мне узнали? И кому я нужна?

Если они думают просить выкуп у отца, он никогда им не заплатит. Я ему не нужна. И копейки не даст, несмотря на все свое богатство. Однажды, я хотела его обнять. Прижаться. Как в кино дети обнимают своих отцов, а он оттолкнул меня и заорал:

«Никогда не смей ко мне прикасаться! Убирайся к себе в комнату и не показывайся мне на глаза!».

Вздрогнула, кусая губы до мяса и глотая слезы. Истинное проклятие – это воспоминания. Особенно когда тоска и время из недостойного родного человека все же высекают идола, по которому абсурдно и неправильно скучаешь до слез. Ищешь и выбираешь те самые крохи-минуточки, когда он был этих слёз достоин.

Я звонила от тетки домой, но он никогда не брал трубку. Мне отвечали слуги.

И стало так тоскливо внутри. А ведь я могу больше никогда его не увидеть...Умру здесь, а он даже не похоронит мое тело и не заплачет обо мне.

Где-то рядом слышались женские истошные крики. Да, я не одна жертва здесь. Поначалу это вроде обнадеживало, а сейчас пугало еще сильнее, потому что какую власть нужно иметь, чтобы выкрасть столько девушек? А нас было немало. Я успела примерно мысленно посчитать голоса по стонам и рыданиям. Надежда на то, что меня найдут, или вдруг появится полиция, таяла с каждой секундой. Куда они нас привезли? А может, они нас на органы пустят? Сколько людей сейчас пропадает по всему миру, и не находит никто. Сама видела объявления на столбах и в интернете. Захотелось спрятаться, забиться в угол и маму звать, как в детстве. Пусть вместо нее приходила нянька и гладила по голове, говорила, что все пройдет с первыми лучами солнца. Просто ночью все кажется намного страшнее.

Меня привязали к дереву. Я ощутила, как веревки опутали тело, как впились в конечности и в ребра. Божеее! Боже мой! Это какая-то секта. Паника свела судорогой руки и ноги. Она лишала разума и заставила громко мычать и биться в руках больных психопатов, которые не обращали внимание на сопротивление. И мозг на секунду прострелило жуткой догадкой – им это не впервой! Они это делают не впервой! Все движения четко выверены, как у роботов.

О боже, я не знаю, что это могло быть. Не знаю, где я. Не знаю, за что. В который раз хотела закричать и не смогла. Они мне рот заклеили то ли скотчем, то ли какой-то липкой лентой. Получалось лишь мычать, но и за это толкали и били.

– Ты у всех проверил метки?

– Да. У всех.

– У этой всего одна, а должно быть три!

– И что? Главное, есть первая, оставленная Дьяволом. Мое дело найти ее и привезти. Все остальное не волнует. Если она будет не нужна, сам знаешь, как он поступит.

О чем они говорят? Какая метка? У меня нет никакой метки.

– Ну что? Начинаем? Первые лучи уже показались.

Оказывается, кошмары не исчезают утром... иногда в свете дня они принимают реальные цвета и очертания.

– Уходим. Их заберут на рассвете.

– Когда нам заплатят?

– Никогда не задавай этот вопрос. Заплатят. А будешь много спрашивать, Дьявол выдернет твои кишки и повесит тебя на них.

– Я не для этого перся в монгольскую степь. Где эти первобытные? Я хочу получить свое бабло! И никуда не поеду, пока мне его не отдадут.

Вдали послышался топот копыт, и я напряглась, не веря своим ушам.

– Seriously? Лошади? Не джипы?

– Степь – это тебе не сафари. Дикие кочевники только так и перемещаются. А вот и сам Дьявол. Не смотри на него и не разговаривай с ним. Из-за тебя мы не успели уйти!

Глава 2

Почему они называют кого-то Дьяволом. Это кличка? У него нет имени? А еще страшнее от того, что эти люди его боятся. Сильно. До дрожи в голосе. Сердце болезненно колотилось в горле. Топот копыт где-то рядом. Я не дышу...мне кажется, сейчас не дышит никто. Потому что стало настолько тихо, что мне показалось – вокруг все вымерло.

Вдалеке завывала собака, и по коже прошла волна мурашек. Кто-то из девушек плакал, а кто-то в голос молился и кричал. Я стояла молча, пока вдруг не почувствовала, как ко мне кто-то приближается. Всхлипнула, давась криком. Но я и закричать не могу. А как тогда кричат они...и почему?

Тяжело дыша, я пыталась освободиться от веревок, но они лишь впиваются в кожу и режут запястья. Пока вдруг не застыла, содрогаясь от ужаса – перед глазами под слоем мешковины промелькнула тень. Я дернула руками, и в эту секунду с меня сорвали мешок.

Это сон. Это не может быть на самом деле... НЕ МОЖЕТ! Пусть я прямо сейчас проснусь. Вот в эту же секунду. Пожалуйста. Потому что передо мной человек в черной маске на пол-лица. Он очень высокий...с широкими плечами, скрытыми под черной одеждой. Я вижу только глаза. Раскосые, узкие, очень темные и...страшные. Как у дьявола. Без эмоций, без чувств. Там только тьма и пустота. И вся покрываюсь крупными мурашками ужаса. Потому что рядом с ним три огромные собаки. Они обнюхивают мои ноги. И мне жутко, что если они клацнут зубами, то с легкостью перекусят мне лодыжку. Я не знаю, что это за порода, но они огромные, жуткие с страшными мордами.

Резким движением отклеил скотч.

– Заорешь – зашью рот, поняла?

У него глухой голос. Мне кажется, этим голосом можно медленно убивать человека. И я не усомнилась, что это не просто угроза.

Схватил меня за лицо рукой в одноразовой черной перчатке, покрутил в разные стороны, сдавил щеки, чтобы открыла рот. Обеими руками обхватил грудь, и я всхлипнула о неожиданности. Когда начал задирать юбку, вся затряслась, но к моему горлу приставили лезвие.

– Не дергайся.

Его рука скользнула мне между ног, сдергивая трусы в сторону, и палец в перчатке грубо воткнулся во влагалище, болезненно растягивая стенки, заставляя вскрикнуть и слезы брызнуть из глаз. Меня никто и никогда там не касался. От боли и унижения задрожали колени.

Наклонился, осматривая щиколотку и тут же быстро встал. Сдернул перчатку, отшвыривая в сторону и подставляя руки под струю воды. Один из его людей наклонил бутылку над ладонями Дьявола. Пока он мыл руки, я заметила на запястье черную татуировку, точнее, ее часть. Она напоминала кончик хвоста какой-то змеи.

– Номер девять, семь и три. Остальные испорчены.

Издав какой-то странный крик, протянул руку. Вверху раздался птичий вопль, и, рассекая крыльями сизое небо, хищная птица спикировала вниз на руку своего хозяина. Коричнево-черные крылья заблестели в скупых лучах солнца.

– Когда нам заплатят?

Теперь я видела тех, кто нас сюда привез. Один – высокий и полный, а второй – невысокого роста, с растрепанными волосами и очень острым носом. Они смотрели в землю, переминаясь с ноги на ногу. Не смели взглянуть на Дьявола.

– Как обычно! Избавьтесь от испорченных!

Их отвязывали от деревьев...надевали на голову веревки с камнями и...толкали в озеро с узкого мостика. Нет...нет, нет. Этого не может быть. Это же жестоко...это зверство. За что?

– Не надооо! – закричала, и он обернулся ко мне. Жуткий ястребиный взгляд заставил замолчать и тихо заплакать от ужаса. Направил коня ко мне, и внутри все похолодело, зажмурилась, содрогаясь всем телом.

– Отвязать!

Его псы тут же бросились исполнять. Сейчас он прикажет утопить меня вместе с теми «испорченными». Прикажет и...бросит в воду.

Когда рука протянулась ко мне и схватила за шиворот, меня повело, и я погрузилась в черноту.

Я выныривала из небытия короткими обрывками реальности. Мне чудился запах серы, словно чиркнули около ста спичек одновременно, а перед глазами чернично-малиновое зарево над полоской горизонта. То ли закат, то ли восход.

В ушах свистит ветер...Будут ли меня искать? Может быть, тетя Валя будет. Отец? Скорее всего, нет. А мне безумно хотелось, чтобы он искал, чтобы испугался, а мозг резануло картинкой, где он мимо меня проходит по утрам и даже не смотрит в мою сторону, а своих сыновей на руки берет, целует, жену чмокает в лоб. Они вместе идут на кухню...завтракать. Меня никто не позовет.

Ненависть поднялась вихрем и тут же улеглась пеплом в душе. Отненавидела уже. Горечь золой осыпалась и легла еще одним слоем грязи на сердце и на душу.

Я выныривала из омута боли и погружалась в него снова. Болело все тело, но больше всего голова. И это давящее присутствие...словно человек из тьмы вернулся и теперь находился в непосредственной близости ко мне. Обрывки воспоминаний вплетались в сумеречный туман перед глазами. Я слышу мужские голоса, но они говорят на другом, незнакомом мне языке. Особенно страшен голос поблизости, я его узнала. Он глухой, рокоющий и очень мрачный.

Сама реальность оказалась страшнее любого кошмара, который я когда-либо видела. Потому что нет этой люти наяву и быть не может. А может, я сошла с ума? И это все плод моей воспаленной болезнью фантазии?

Наконец-то глаза снова раскрылись с мучительной резью в висках, я поняла, что меня куда-то везут. Нет. Не в машине. На лошади. Связанная по рукам и ногам, я свисаю поперек жесткого седла. Оно упирается мне в живот и жестоко трет кожу под легким платьем, прилипшим к телу, а скомканные и растрепанные волосы свисают до самой земли, выметая ее грязными серыми концами.

Как же я ненавидела свои волосы. Рыжие, но не цвета огня, а скорее, цвета светлой ржавчины, и веснушки на щеках и носу. Тело свое худое, костлявое. Мачеха стройной была, грудастой, и мама высокой и статной. А я...

Оглушительный свист заложил уши. Опять стало жутко, и я пошевелила руками.

Вот почему настолько сильно болят виски и режет глаза – вся кровь прилила к голове, а тело превратилось в сплошной синяк. Каждая секунда пульсировала в ушах ожиданием чего-то ужасного, чего-то необратимого, нависшего надо мной.

Вспомнила, как всадник в маске схватил меня за шкурку и как мешок перекинул через седло, и от дикого ужаса в горле застрял адский крик. Я приподняла голову и завопила что есть силы. Но всем было плевать.

Лошадь продолжала скакать во весь опор. На глаза от боли и страха навернулись слезы, и сквозь соленую рябь я видела сухую траву...бесконечную траву. Как будто я в какой-то пустыне, где никто не услышит меня и никогда не поможет.

Я задыхалась от первобытного ужаса, пытаюсь освободить затекшие и онемевшие руки.

– Отпустите, – хрипло и так тихо, словно я разучилась говорить или потеряла голос.

Горло обожгло нестерпимой жаждой, и глоток воздуха, скорее, напоминал глоток песка. Оцарапал горло и скатился внутрь, раздирая желудок. Меня или не слышали, или делали вид, что не слышат. И я была уверена, что, скорее всего, второе.

С трудом повернула голову, стоная от страданий, которые причиняли ушибленные о жесткое седло ребра. Натертые веревкой руки и ноги словно отнялись и горели пламенем. И все же я увидела вдетые в стремяна черные сапоги с заостренными носками, покрытые копотью и заляпанные грязью. Еще усилие, приподняла голову, кусая губы от напряжения – голенища сапог заканчивались у колен, и сбоку красовался нож. И на ноже выбитый рисунок – дракон.

Куда меня везут? Зачем? Может, это игра такая? Жестокая игра за деньги. Реалити-шоу какое-нибудь. Изображение дракона казалось мне знакомым. Я словно где-то раньше его видела. Не так давно.

И перед глазами картинками...

Вечеринка на природе. Я с подругами и парнями. Один из них мне очень нравится. Его зовут Егор и у нас вот-вот начнется роман. Я это знаю...потому что вижу, как он смотрит на меня, и сама постоянно смотрю на него. Моя подруга Рая встречается с его другом. Это ее День Рождения, и она смеется громче всех. Отец для нее вечеринку устроил. На даче. Помню, как цветы привезли – огромный букет, торт, шампанское. От ее папы. Стало обидно, и внутри что-то опять надорвалось. Мой мне никогда ничего не дарил.

– Сегодня к нам цыганка придет. Настоящая. Гадать будет.

– Та ладно...Я в это дерьмо не верю.

Вадим, ее парень, смачно сплюнул и отпил с горлышка бутылки пиво. Егор усмехнулся и принялся брынчать на гитаре.

– Ну и не верь. Она дочка нашей местной ведьмы. Говорят, соседу по даче в прошлом году нагадала смерть...потому что тот собаку из табора пристрелил. Так что вы думаете – он таки умер. У себя на даче в погреб упал на банки, и стекла ему проткнули легкие.

– Ужас какой! – воскликнула Настя.

– Гадалка крутая. К ней гадать из других городов и даже из далеких стран приезжают. Всю правду говорит. Не всегда хорошую.

Когда Мирела появилась, смеяться все прекратили. Не потому что некрасиво, а потому что страшная она была, потому что на нас глазами черными зыркнула из-под бровей косматых и платок цветастый поправила.

Карты на полу разложила перед Настей и пообещала будущее показать каждой из нас. Ко мне сзади Егор подошел.

- Пошли отсюда. Погуляем в лесу. Пусть гадают.

- Пошли...

Между деревьями идем, темно уже, и у меня сердце бьется быстро-быстро. Егор за руку меня взял и к себе развернул...А мне послышалось, как сзади ветка треснула, и я резко обернулась. Ощущение тревожное, и кажется, кто-то смотрит из темноты.

По телу дрожь прошла, и в горле пересохло. Егор к себе привлек, а я по сторонам смотрю. Я словно ощущаю ЕГО присутствие. Монстра из моих кошмаров. Он здесь. Я точно знаю.

- Ну ты чего?

Егор волосы мои гладит и к губам наклоняется.

- Не тронь!

Резкое шипение, и я дернулась, отпрянула от парня. Он тоже вздрогнул от неожиданности. Перед нами цыганка стоит и на меня смотрит. Вперед руку выставила и в ней карта, а на карте – извивающийся черный дракон. Только мне кажется, что она не на меня смотрит, а сквозь меня.

- Чужая девка. Тронешь, оба умрете.

- Ты что несешь, ведьма полоумная! Иди отсюда!

Егор загородил меня собой.

- Она чужая, меченая...принадлежит ЕМУ...он ее заберет! Дьявол придет за ней! И за тобой! – и пальцем на Егора показывает.

Говорит и назад отходит, в сторону дома. А меня трясет всю, по телу дрожь проходит волнами.

Несколько секунд я так и стояла – оторопевшая и испуганная до полусмерти, пока сама себя не успокоила, что цыганка, и правда, сумасшедшая.

Егор попытался еще раз меня обнять, но я отстранилась, и он зло выругался и пошел в дом, а я какое-то время так и стояла, обхватив себя за плечи, прислушиваясь к темноте.

Звуки ночи... звуки вкрадчивого страха, он колючей паутиной ползал по спине, невольно напоминая слова гадалки. Но когда в дом вернулась, как-то все уже померкло и не казалось страшным. Свет, музыка, девчонки, сидящие в кругу на полу, и сама цыганка уже не такая жуткая, как в темноте.

– А теперь пусть Любке погадает. Любаш, иди к нам. Мирела на тебя карты кинет...скажет, с кем холодные ночи встречать будешь.

Но цыганка зашипела, как кошка. Отпрыгнула назад, а потом на меня вдруг пальцем указала, как и там на улице:

– Уйдет пусть... уйдет немедленно! Ей гадать не буду!

Все на меня посмотрели, а я назад попятилась, глядя на женщину, которая словно рассудок потеряла, – Убирайся! – рыкнула на меня. – Проданная ты! Проданная!

А спустя несколько дней Егора забили до смерти. Тело нашли на городской свалке. Говорят, он участвовал в боях без правил...

Глава 3

Дракон на рукоятке напоминал один в один того дракона на карте. Белая бумага все еще виделась мне перед глазами, как и лицо той цыганки. Долго смотреть на сапоги не удалось, меня грубо придавила к седлу чья-то рука. И я знала чья. Знала, что это рука чудовища, которое меня выкрало. Страшно. Есть разные стадии страха, и мой сейчас достиг наивысшей точки. Самый что ни на есть панический и невыносимый, доводящий до истерики.

Но еще невыносимей было вот так висеть, я не выдержу больше, мне кажется, ребра разрывают мне легкие от ударов. Я задергалась, пытаюсь подняться и мотая головой, а чья-то рука на спине переместилась на затылок и вдавила в седло, ломая сопротивление.

- Пожалуйстаааа...мне больно...

Всхлипнула и вдруг ощутила, как меня сгребли за шкурку и подняли вверх. Это было неожиданно и невероятно больно. Наши глаза встретились, и я задохнулась от жуткого черного блеска в миндалевидных глазах моего похитителя. Никогда не видела настолько черных глаз. Они буквально сливались со зрачками и имели такую силу, такой мрачный магнетизм, что я лишилась дара речи и начала задыхаться. Дергалась и сопротивлялась на вытянутой руке мужчины. Какие жуткие у него глаза. То ли вся боль Вселенной в них живет, то ли вся ее тьма. И мое лицо в этой черноте белым пятном. Если это правда, и нас вывезли в чужую страну...то моя жизнь зависит от этого человека.

Он что-то сказал на своем языке, и я судорожно глотнула воздух, не в силах даже моргнуть. И все тело дрожит. Мне кажется, что я смотрю в глаза собственной смерти, такой он страшный. Маски уже нет, и мне видно его лицо. Смуглое, с красивыми чертами. Широкие, высокие скулы, ровный нос, большой и резко очерченный рот. И...это лицо казалось мне смутно знакомым, как будто я когда-то его уже видела. Словно те мои ночные кошмары сливались воедино с этим человеком...Или не человеком, а чертом. Этот дьявол не походил на человека. В нем нет сострадания, сочувствия, эмоций. Нет души.

Его короткие волосы падают ему на лицо иссиня-черными прядями, скрывая брови. Кожа очень темная, обветренная, опалённая солнцем. На щеке несколько светлых шрамов.

- Отпустите меня! Мне больно!

Глаза монстра сверкнули, и он приподнял меня еще выше, как тряпку. Господи, какие же они черные, какие страшные. Разве у людей бывают такие жуткие глаза? Как будто в них живет сама смерть. Неужели у этого человека не было матери, не было женщины, сестры? Почему в его чертах и взгляде столько звериной жестокости. Осматривает меня с ног до головы, опуская взгляд вниз к моей груди, едва прикрытой тонким платьем, под которым нет нижнего белья. И от этого жадного взгляда все тело бросило в жар. Оно покрылось мурашками. На секунду показалось, что черные глаза стали жгучими, обжигающими, по-мужски острыми...и тут же блеск исчез.

- На что ты там засмотрелся? Кожа и кости. Надо было забраковать еще как только увидели.

- Не нам решать - подходит или нет...

Притянул к себе еще ниже, а мне слишком больно смотреть на него. Особенно когда настолько близко.

- В глаза мне смотри! Не смей отворачиваться, пока я не позволил! - никогда и ничей голос не заставлял мое сердце леденеть от ужаса. И в глаза его смотреть сил больше нет.

- Не позволяй ей разговаривать! Ты знаешь правила!

- Рот закрой! - рявкнул, и голос заткнулся, оборвался. И я слишком близко, так близко, что чувствую запах пота, сажи, крови и аромат его волос, которые пропахлись ветром степи. Втянула всей грудью и невольно ощутила, как все внутри затрепетало.

- Ты не смеешь говорить ни с одним из нас, иначе тебе вырвут язык. Поняла?

Судорожно вздохнула и слегка кивнула. Трудно поверить, что в наше время кому-то могут вырвать язык...но я ни на секунду не усомнилась, что он может.

Чувственный рот мужчины скривился в усмешке, от которой горло как удавкой перехватило. Не бывают люди такими... такими идеально жуткими и прекрасными одновременно.

Голос имеет такое же действие, как и его взгляд – заставляет все внутри дрожать от первобытного ужаса. Отнимая желание жить и сопротивляться. Господи, когда я уже проснусь. Мне страшно. Мне так страшно.

– Не зли меня. Пока мы в пути, я твой хозяин, и я решаю – доедешь ты или нет.

– Куда?

Спросила и прикусила язык, а он стиснул челюсти и слегка меня тряхнул.

– К Красному дракону. Ты принадлежишь ему.

– Какому...какому дракону?

– Которому тебя продал твой отец...за золото. Чтобы стать богатым.

– Вы...лжете!

Щелкнул языком, и я осеклась, содрогаясь всем телом и с ужасом понимая, что он не обманывает. Это правда...Ужасная, зверская правда.

– Запомни, я никогда не лгу. Никогда...Хайртай. Теперь тебя все будут называть Хайртай. Забудь свое имя.

– Меня зовут Люба! Любовь! Слышишь, ты! Чудовище! Любовь!

И внутри поднимается ураган, пенится волна протеста и адской ярости. Я закричала, извиваясь в его руке, пытаюсь схватиться за запястье, но зверь держит крепко и даже не шевелится, кажется, его забавляет моя беспомощность, только зрачки сузились.

– Успокоилась! Нет больше ни тебя, ни твоего имени! Ни черта больше нет! Там ты закончилась! Притом давно! Еще до рождения! Всех вас...продали еще до рождения. Пока что ты есть здесь! И я буду решать – быть тебе или нет!

– Кто ты? – истерически, срываясь на рыдание, – Кто... ты... черт тебя подери?

Снова голову к плечу и расхохотался так, что у меня по коже мурашки поползли. В туманном полумраке сверкнули белые зубы. Красивый и в тот же момент ужасный этой неестественной нечеловеческой красотой.

– Дьявол. Ты можешь называть меня Дьявол.

Я приходила в себя – словно выбиралась из комка ваты. Огромного и толстого комка. А еще жутко болели ребра, колени, спина. Все тело. Каждая мышца. С моего лица сняли мешок, и теперь я спокойно могла дышать полной грудью. Смотреть на солнечный свет, на ужасающе бесконечную степь и топчущихся возле кустов лошадей.

Шайка бандитов, которые везли меня вместе с их предводителем, обернулись ко мне и прекратили свои разговоры. Они разожгли костер и жарили на вертеле тушку косули. От запаха мяса заурчало в животе, засосало под ложечкой. Дьявол сидел посередине, вытянув ноги и сбросив с себя куртку. Я видела бугрящиеся мышцы его сильных рук, узор татуировок с драконом и черепами.

– Пей! – мне в ноги швырнули флягу с водой. Подняла и жадно принялась пить. От жажды буквально саднило горло. – Переоденешься.

Добавил лениво и так же бросил в мою сторону штаны и кофту с длинными рукавами.

– В твоих тряпках далеко не уехать. Снимай их и надень это.

Хотела зайти за дерево, чтобы переодеться, но заметила, что я привязана к Дьяволу за лодыжку. Как овца. Как скот. Отвернулась спиной и принялась стягивать с себя платье. Разговоры совершенно стихли, и тогда я услышала громовой голос их предводителя.

– Вон пошли. Лошадей пасти. А ты давай! За дерево!

И встал, чтобы дать мне удалиться и укрыться от чужих глаз. Но сам и не подумал отвернуться или отойти. Смотрел на меня, опираясь одной рукой о ствол дерева, а другой придерживая флягу. Когда он делал жадные глотки, его

кадык дергался, а капли воды стекали по щетинистому подбородку и исчезали за воротом футболки.

- Отвернитесь...пожалуйста. - попросила без всякой надежды, что он это сделает. Выдохнула и отвернулась сама. Сняла платье через голову, стоя спиной к нему и чувствуя наглый взгляд голой кожей. Наклонилась за шароварами, натянула быстро на тело, а потом сверху черную кофту с длинными рукавами и жилетку с мехом по краям. Когда обернулась, увидела, как зверь смотрит, не моргая, не отводя глаз. Страшно смотрит, как голодный человек смотрит на еду. Стало не по себе, и сердце тревожно забилося.

- Голодная?

- Какая вам разница?

- Когда я задал вопрос - ты на него отвечаешь! Подчиняешься мне беспрекословно или...

- Или что? Убьете меня, как тех несчастных девушек?

- Ну почему - убью? Есть вещи намного пострашнее смерти.

Сказал и ухмыльнулся своими ужасными и в то же время чувственными губами. Широкий характерный нос затрепетал.

- Какие? Что может быть...

И не успела договорить, потому что он дернул веревку к себе так, что я упала навзничь и проехала спиной по траве, а он, прищурившись, посмотрел на меня и хрипло сказал:

- Когда рабыня ведет себя слишком нагло, ее отдают на потеху другим рабам, во все ее отверстия запихивают траву и землю на живую, а потом закапывают по самое горло и оставляют подыхать под солнцем степи.

От ужаса у меня все заледенело внутри. Я ни на секунду не сомневалась, что этот дикарь способен на такое зверство.

- Я... не рабыня, рабство отменили и...

- Для тебя - нет. Потому что твой папаша продал твою шкурку и твои дырки за слитки золота. Ты не просто рабыня - ты вещь. Давно обещанная хозяину. Так ты голодна?

- Нет! - крикнула и зажмурилась, чтобы не видеть его ужасное лицо.

- В следующий раз привал будет поздно ночью. Так что ешь. Будешь без сил - тоже на хрен не нужна слабая и немощная.

- Для чего не нужна! Для чегоооо! - почти истерически закричала я.

- Узнаешь, когда доедешь в пункт назначения. Если доедешь.

Глава 4

Пока они ели, мне удалось ослабить веревку на лодыжке, осторожно высвободить ногу и ползком попятиться к кустам, а потом вскочить и бежать что есть силы. Здесь должны быть люди. Мы же не на другой планете. Должны быть люди и помочь мне. Обернулась, увидев, как подскочили люди Дьявола и как он поднял руку, останавливая их.

Не оборачиваться. Бежать и не смотреть. Не думать. Просто бежать, а как на дорогу выбегу, спрятаться надо будет и попуток ждать. Здесь же есть дорога...наверное. Но я ошибалась, никакой дороги и никакой цивилизации. И земля под ногами влажная, значит, где-то поблизости есть вода.

Вроде все так, как и на родине моей, только есть одна странность противоречивая - тишина. Словно замерло все живое и затаилось в тревоге. Лягушки не квакают, птицы не поют, кузнечики не трещат. А должны. Я продолжала бежать, раздвигая руками листву, чувствуя, как волосы по спине хлещут, на лицо падают и в ветках путаются. Никто же не гонится за мной...пока

не услышала, как ломаются ветки сзади и собачий лай. Внутри все похолодело. Его твари...он натравил на меня своих тварей-псов. И теперь они меня разорвут на куски. Бегут, вывалив ярко-красные языки, в солнечных лучах сверкают шипованные ошейники. Вот-вот вцепляться мне в ноги.

Сверху вдруг крик птичий раздался, и я увидела, как адская машина спикировала вниз, прямо на меня, развернув огромные крылья. От ужаса побежала быстрее, а потом услышала, как просвистело что-то в воздухе, и на шее захлестнулась петля.

От боли в глазах потемнело. Кто-то дернул ее с такой силой, что я на спину упала навзничь, вскрикнула от ужаса, а меня потащили за шею по земле, заставляя впиться руками в петлю, чтоб не задохнуться. Арканом поймали, как животное. Первое, что заметила, это ненавистные сапоги, и, судорожно глотая воздух, глаза распахнула, чтоб увидеть, как нависает надо мной, словно скала, чудовище с взглядом, как у самой смерти. Рывком за веревку вверх поднял, и я зажмурилась, чтоб в глаза его дьявольские не смотреть.

– Набегалась? – зарычал мне в лицо, и я отстранилась, чтобы не видеть его настолько близко. – Кажется, тебя пора проучить.

Пронес на вытянутой руке, как паршивого котенка, и подвесил над обрывом. А внизу видны острые, как зубья, камни, и вода бурлит с оглушительным шумом. Тряхнул, а я закричала и в руку его сама впилась от ужаса, что вдруг выпустит.

– Я тебя предупреждал, что делают с непокорными сучками?

– Разожми руки! – крикнула и задрожала еще сильнее. – Лучше туда упасть, чем быть твоей вещью!

– Ты – НЕ МОЯ вещь! Запомни это! У тебя есть хозяин! Но пока я тебя к нему не отвез, могу и утопить, на хрен! Как кошку паршивую!

– Утопи!

Огрызнулась, и самой стало страшно, что сейчас он свое слово исполнит.

Раздался хохот, от которого мурашки по коже поползли с утроенной силой, и начали дрожать пальцы рук и ног. Наверное, так смеется сам дьявол, прежде чем погрузить тебя в кипящее масло. Я почувствовала, как меня все так же потащили за шкуру. Открывать глаза не хотелось. Я вообще не могла даже думать, меня лихорадило, и, кажется, каждый волосок на теле стал дыбом, а внутренности скрутило в узел. Ублюдок швырнул меня на землю, я упала на что-то твердое и круглое, и вонь забила в ноздри. Вонь, от которой все подступает к горлу, чтобы обжигать горечью отвращения. Я знала этот запах падали. Наткнулась как-то на мертвую крысу возле стока в городе. Она воняла именно так.

- Глаза открой!

Отрицательно качаю головой.

- Открой! Или оставлю валяться здесь и нюхать мертвечину бесконечно!

Медленно подняла веки и дико заорала. Передо мной полуразложившаяся голова закопанного в землю человека. Вокруг нее роем кишат мухи.

- Господи! - отползая назад, чувствуя спазмы и позывы к рвоте.

- Слишком много говорил и вообразил себя бессмертным. А смерть его была мучительной и почти бесконечной! Хочешь так же?

Прошипел прямо на ухо.

- Нееет!

- Вот и отлично! Насчет непослушания мы уточнили!

Схватил снова за шиворот и через плечо перекинул. Я смиренно обмякла на нем, чувствуя, как от ужаса все тело занемело. Ничего более жуткого я в своей жизни не видела. Больше я не считала, что это игра. Я в каком-то проклятом аду, где творятся ужасные вещи, и этот монстр с глазами, как у самой смерти, и жутким взглядом не станет три раза раздумывать, прежде чем и меня закопать живьем. К горлу подступила дичайшая тошнота позывом к рвоте, и тело покрылось

испаринной.

В себя пришла лишь тогда, когда бросил на берег так, что упала лицом к самой воде.

– Вымойся! Дорога будет длинная, а от тебя теперь несет, как от дохлой псины!

Я над водой стою на коленях, и мне отражение его рябит в темной глади. Огромный, как гора. Ростом под два метра. Его волосы коротко острижены, явно кривыми ножницами, как попало, челка падает на лоб. На шее, на затылке и плечах татуировки. Весь забит ими с надписями, змеящимися драконами, черепами и шипами. На меня смотрит исподлобья, и у меня от его взгляда в желудке все дрожит и трепещет. Глаза сверкают даже отражением в воде. Я еще никогда в своей жизни так не боялась. Словно этот страх первобытный мне в кожу впитался и колот острыми занозами бесконечно. Взгляд на лицо свое перевела и всхлипнула – щеки, нос и половина лба замазаны черной жирной краской. Одни глаза видно, рот и кусок подбородка. Кто это сделал и зачем?

– Я помоюсь, если ты...ты отвернешься или уйдешь.

– Мы уже уяснили, что нет никаких если. А я никуда не уйду. Смирись. Я твоя тень. И буду рядом, пока не отдам из рук в руки заказчику.

– Что у меня на лице?

– Никому не положено смотреть на собственность Красного дракона. И гоняться я за тобой больше не собираюсь.

– Вы больные... вы все больные придурки.

– Я могу привезти тебя без языка, Хайртай.

– Пусть твои псины побегают – человеческие и эти...на поводках. Прикажи им. Что ты сам за мной бегаешь. Ты разве не главный? – вырвалось само, и ту же душа в пятки ушла, и сердце заколотилось с такой силой, что дышать стало нечем, потому что ко мне шагнул сапогами прямо в воду, за затылок взял и под воду рывком окунул. От неожиданности хотела закричать, но едва рот открыла –

в него ту же затекла жидкость, а руки, резко выставленные вперед, окунулись в ил, и от гадливости по всему телу прошла волна отвращения. Теплая летняя вода рванула прямо в горло, и я начала силой барахтаться, пытаюсь освободиться от хватки мужской руки на затылке. И тут же меня вытащили наружу. К себе развернул, пока я кашляла и, захлебываясь, лицо руками терла, волосы мои назад убирал. А потом словно обмерла под его взглядом. Он лицо мое рассматривал, а зрачки теперь большие, черные, на всю радужку почти. Ноздри трепещут, верхняя губа подрагивает, приоткрывая белоснежные зубы.

Жуткое зрелище. Медленно взгляд опустил к груди. Голодный взгляд, прожигающий до костей, и есть в нем что-то еще... не поддающееся определению. На меня так никогда не смотрели за всю мою жизнь. Словно сожрать хочет. Истерика накатывала издалека, и я вот-вот захлебнусь ею вместе с отчаянием и пониманием, что никто мне и никогда не поможет.

- Тархан!

Дернулся и пальцы разжал, а я снова в воду упала.

Тархан выхватил из рук Бора сотовый, предварительно взглянув на дисплей.

- Да! Я еще не доехал! Дам знать, когда буду на месте!

- Я хочу знать, кто взял мои шахты...и ты обещал эту информацию добыть.

- Если обещал, значит добуду.

- Не заставляй меня подумать, что ты один из них, Дьявол!

- Я и есть один из них, Хан. Одним из вас я никогда не стану, и на хер мне это не надо.

Выключил звонок от сводного брата и с яростью сунул сотовый в карман штанов. Он так и стоял за спиной этой рыжей дряни и ощущал себя зачарованным, обескураженным идеальной красотой ее спины. Как взметнулись белые руки, снимая жилетку и стягивая через голову черную кофту. Облако медных волос

упало на спину закрученными мягкими кольцами. И Тархан застыл, замер. Он не мог оторвать от нее глаз, горящих первобытным голодом. Адская сучка..., за которой он должен был присматривать годами, выполняя свою бл*дскую работу на службе у Намсыра. Одна из..., но какого-то хера именно эта запала в душу. Залезла под кожу, пробралась в самые вены, в каждый нерв на его теле. Чужая.

Он помнил, когда ей исполнилось пятнадцать и она стояла у окна полуголая...Глаза бы себе вырвал. Вырезал тупым ножом за то, что смотрел. Помнил и ее шестнадцать, и семнадцать, помнил ее совершеннолетие, когда надела на себя вещи, как у последней шалавы, и пошла отмечать с подругами. Он все помнил. Каждую встречу. Каждый долбаный год, когда должен был находить ее и проверять целостность товара Намсыра. Товара, мать его! Она всего лишь обещанный товар. Никто. Безделушка.

Намсыр... двоюродный дядька Тархана со стороны матери. Предводитель клана Турэгов. Старый хитрый лис с маниакальным желанием менять девственниц как перчатки, чтобы зачать единственного наследника вопреки приговору врачей о бесплодии. Шаманы сказали, что рано или поздно будет та единственная, которая родит Намсыру сына. Поиски единственной длятся вот уже несколько лет, а невесты сменяют одна другую в постели старого козла. Каждый год по десять претенденток...которых Намсыр лишит девственности на алтаре и женится лишь на той, что понесет от него. Остальные умрут. Исход очевиден. Умирают все. После Намсыра трогать его женщин нельзя. Они принадлежат ему с рождения до самой смерти.

Свихнувшийся больной на всю голову самодур, которому подчиняется огромный клан. Стоит перед ним буквально на коленях. Наполовину монгол, наполовину калмык. Когда они с Тамиром подышали с голоду, Намсыр взял Тархана к себе. Парень должен был находить тех, кто готов проиграть немислимую сумму в казино, а потом продать самое дорогое, что у них есть – своих дочерей. Именно Тархан наблюдает за проданными и раз в году напоминает несчастным родителям об их долге. Тех, кто отказываются вернуть долг, ждет банкротство, нищета и смерть. Мучительная смерть. Никто не может взять в долг у Красного Дракона и не вернуть.

И ни разу ни одна из них на него не действовала вот так. А эта. Как ядовитая змея, как отравленное зелье, как шаманское отродье. Смотрит на нее, и все тело сводит судорогами. И сердце дико бьется при одной мысли, что сможет увидеть ее лицо. Безумно красивое лицо. Такой красоты он никогда не встречал, а

перевидел на своем веку немало красивых женщин. Эти ее волосы цвета чистой меди с блеском до слепоты, эти глаза ярко-голубые, как топазы, как самые невероятные драгоценные камни с отливом бирюзой, мелкими зелеными лучиками и светло-голубым окаймлением. Да. Он знал досконально, как выглядят ее глаза. Знал форму ее груди, знал цвет сосков, размер обуви, даты ее последних месячных, количество родинок, шрамов... а теперь еще и знал, насколько узкое у нее лоно. Как оно сжалось вокруг его пальца, не пуская внутрь, какая тугая девственная плева и шелковистые волоски на нижних губах. Его член тогда чуть не разорвало, на хрен, казалось, каждая вена вздулась и запульсировала голодной болью. Даже если он не касался ее, он все равно ощущал желание. Дикое, необузданное, сродни голоду. Неутолимому и безжалостному.

Вот она сейчас обернется, покрытая каплями воды, с мокрыми концами волос. Обернется, и его сердце провалится в черную дыру. Потому что он смотрел на нее жадно, необузданно. Смотрел так, как будто мог проникнуть взглядом под влажную черную кофту, которую она натянула на мокрое тело, мог трогать ее груди, ее плоский живот.

Предводитель шакалов Турэга. Один из членов самого жуткого клана в Монголии, верный пес Намсыра. Тархан, по кличке Дьявол. Без фамилии и отчества. Без имени отца и матери.

И он смотрел на безупречные черты лица девчонки и не мог оторвать взгляд. Вся идеальная. Ровный нос, чуть курносый, аккуратно очерченные скулы, рот с полукруглой верхней губой и чуть выпуклой нижней. Пухлый, но в то же время маленький. Но больше всего его сводили с ума ее глаза. Эти бескрайние бездны то ли морские, то ли небесные, то ли смесь двух стихий разом. И ему хотелось разодрать каждого, кто на нее посмотрит.

Вместо этого Дьявол швырнул ей банку с краской.

– Замажь свое лицо.

– Зачем?

– Не задавай вопросы. На них никто не ответит. Замажь лицо, спрячь волосы под шапку, и нам пора в путь. Никто не смеет глазеть на то, что принадлежит

Красному дракону.

ПРИНАДЛЕЖИТ! МАТЬ ВАШУ! ЗАПОМНИ, ДЬЯВОЛ, ОНА ЕМУ ПРИНАДЛЕЖИТ! НЕ ТЕБЕ!

И как же больно смотреть, как она прячет волосы под меховой шапкой, как поднимает руки, и кофта облегает ее грудь, выделяет острые от холода соски. Они крошечные, тугие, и у Дьявола выделяется во рту слюна от желания лизнуть их, прикусить до красноты. Еще немного, и он застонет вслух.

Нужно оттрахать первую попавшуюся шлюху и снять напряжение. Тогда станет легче.

И пусть спрячет свое проклятое лицо. Он не в силах на него смотреть и не сходить с ума. Знал бы, что так обезумеет, убил бы ее в младенчестве.

А он и хотел...он даже приходил к ней с обнаженным кинжалом, чтобы вонзить прямо в сердце, а потом припасть губами к ее губам, которыми она поймает последний вдох его дыханием. Как же люто он ее за это ненавидел.

«Твоя смерть медного цвета, Тархан...она совсем рядом. У нее васильковые глаза и солнечная душа. Твоя смерть...смерть...смерть»

Лицо цыганки рябит перед глазами. Дура. Черте что несет. Денег хочет ведьма. Мало ей.

Банка с краской упала в воду и пошла ко дну. Все обернулись на всплеск и посмотрели на наглую русскую, которая вздернула подбородок и с вызовом повернулась к Тархану.

– Воняет ваша краска. Кожу мне испортите. У меня аллергия.

Замахнулся, и кнут, которым стегал лошадь, обвился вокруг ее колен, заставив упасть на них и распластаться по земле.

– Еще одно слово поперек – привяжу к дереву и отхлестаю до мяса! Могу привезти даже полумертвую! Никому до тебя нет дела! На! Закрой лицо!

И швырнул ей тонкий шарф, которым сам прикрывался от степной пыли и ураганов. На секунду, когда увидел слезы в кристально чистых глазах, что-то сковырнулось в сердце, но лишь на секунду. Все женщины – суки и твари. Как и его родная мать.

Глава 5

К вечеру они прибыли в одну из деревень. Громко сказано деревня. Несколько юрт посреди пустыни. Своеобразная гостиница для усталых путников на пути к шахтам. Любимое место прихвостней Дракона – вылавливать одиноких идиотов, обворовывать их, а потом закапывать тела в степи или бросать так, чтоб хищники до неузнаваемости обглодали. Сюда даже полиция никогда не сунется.

Пока он договаривался о ночлеге, его спутницу определили в одну из юрт. Он проследил зорким взглядом, как она входит в шатер, как за ней опускается полог, и как следом забегают одна из дочерей хозяйки. Она прислужит и устроит его пленницу. Если бы вошел мужчина, Тархан бы оторвал ему ноги. И старик хозяин прекрасно об этом знал.

– Куда едешь, Дьявол? Думал, уже не увижу тебя. Больше года прошло. Дракон все никак не угомонится? Все тащит девок к себе и тащит, да? А стручок его как не работал, так и не работает? Ахахаха!

Старый Гуюг налил кумыс в пиалу и смачно отпил, вытирая белые губы рукавом.

– Не твое дело, старый. Не лезь куда не просят и не отрежут то, чем болтаешь.

Он был не в настроении. Его раздражала и сводила с ума эта девчонка. Сам себя не узнавал.

– Дерганый ты какой-то, не в настроении. Обычно...

– Теперь необычно. Бери золото и заткнись. Не до тебя мне сегодня и не до сплетен твоих тупых.

– Слишком нос задрал предводитель шакалов!

Сгреб старика за шкуру и приподнял.

– Знаешь, как наказывают тех, кто много говорит в клане Турэгов? Я разрежу твой язык ровно напополам до самого корешка, до глотки. А потом выбью все зубы и будешь, как змея, жратву целиком глотать. Открой рот!

Дико замотал головой и зажал губы.

– Вот и заткнись! Не зли меня! Пусть принесут выпить и пожрать. Я голоден и хочу мяса... а женщине принеси сладости.

– У нас нет сладкого..., – запричитал старик.

– Найди!

И направился к юрте, за которой скрылась Хайртай...Имя-насмешка, имя-издевательство. Как по-русски, так и на монгольском. Какая, на хер, любовь. Разве она существует? Разве ее не придумали идиоты, чтобы называть ее именем каждую слабость или похоть? Любить можно только брата...или семью, и то, если она того стоит. Тархан любил Тамира, а с недавних пор привязался к Эрдэнэ и племянникам. Но никого ближе и роднее Беркута у него нет, никто кроме него, не делил с Тарханом мясо крысы и голодные боли в желудке. С Тамиром они встретятся ближе к пункту назначения.

Гэр*1 (юрта по-монгольски) для важных гостей был обтянут черно-белым войлоком и отличался от других простором и вышиной. Хотя для того, чтобы войти, все равно нужно было согнуться почти напополам. Подумал о том, что Хан, скорее всего, вполз бы сюда на четвереньках, и ухмыльнулся. Хотел бы посмотреть на эту картину. Распахнул полог и прошел в помещение. Здесь уже успели разжечь огонь, и в юрте витал запах волос и тела русской невесты Дракона.

Девчонка как раз мылась над тазом с водой, и когда он вошел, вскрикнула и прижала к себе снятую кофту. Тархан подошел к ней почти вплотную и невольно тронул ее плечо пальцами. Маленькая дрянь дернулась, и топазовые глаза подернулись дымкой ужаса. По всему телу проступили мелкие, крошечные мурашки. Отшвырнул ее руку в сторону, выдрал тряпку и, как замороженный, тронул ладонью грудь, обвел полушарие, сосок, надавил на сам кончик и чуть не захрипел от прострелившего его возбуждения. Какого хера он творит! Надо остановиться, надо запретить себе даже смотреть на нее. За это могут четвертовать, содрать живьем кожу. Это сумасшествие – трогать чужую невесту, особенно невесту Дракона. Но как же ох*енно она пахнет. Как же трепещут ноздри от этого запаха, и колом стоит член. Так стоит, словно его сейчас разорвет от пульсирующей в венах спермы.

Маленькая, хрупкая, невинная и такая слабая. До боли в отвердевших и налитых яйцах хочется обхватить сосок горячими пересохшими губами. Мучительная страсть к этой...игрушке, вещи, почти собачонке Дракона. Ведь она умрет сразу после того, как станет понятно, что она не беременна. А именно так и будет. Хайртай...любовь, любимая. Надо дать ей другое имя...вместо этого, которое придумал ей когда-то.

- Ты знаешь кто я, Хайртай?

- Люба..., - шепчет тихо и упрямо.

- Ни хрена. Ты больше не Люба. Ты Хайртай, и то до момента пока хозяин не даст тебе другое имя.

- Вы...вы можете, пожалуйста, не трогать меня?

Попросила и закусила нижнюю губу. Невинная порочность, сучка, которая наверняка понимает, как это действует на мужчин. Ее прикушенная пухлая губа.

- Я спросил, ты знаешь, кто я? Отвечай!

И сдавил сосок между пальцами.

- Дьявол! - выкрикнула она и побледнела, а потом покраснела.

– Верно, и я твой проводник напрямик в ад. И пока я веду тебя...ты принадлежишь мне!

Прохрипел и сам осатанел от этих слов. От того, что сказал, что она принадлежит ему. Потому что это ложь и этого никогда не будет...даже несмотря на то, что он поставил на ней свою метку. Да, не метку Дракона, а свою. Не удержался и припечатал, заклеил сучку с топазовыми глазами. А потом...потом нашел ту вторую девятую и...лишил ее ноги, чтобы никто и никогда не узнал о том, что их было две. Стать врагом Дракона – означало смерть. Означало смерть не только его самого, но и всей его семьи...включая презренного сводного брата и его родственников.

Пусть Тархан не жаловал Хана, но он трепетно относился к Эрдэнэ, уважал Ангаахай и обожал своих крошечных племянников. А весь остальной мир мог сгореть, на хер...весь, кроме этой медной русской.

– Ты зачем... зачем ее рассматриваешь?

В юрту зашел БугА. Карлик, верный пес Тархана, и имя у него собачье, ему его сам Дьявол придумал, когда бездомного избитого нашел в русском городе. Буга не был монголом. Он вкатился в юрту, загребая маленькими кривыми ножками. На носках его ботинок звенели мелкие колокольчики. Так ему нравилось. У него вообще был своеобразный вкус.

– У тебя спросить забыл!

Потом крикнул девке:

– Прикройся!

– Нельзя на них смотреть, сам знаешь. У нее лицо без краски. Как она смазалась? Остальные не видели ее?

– Не видели! Платком прикрылась! И какого хрена лезешь?

Тархан страшный взгляд на карлика бросил, да такой, что тот шаг назад сделал.

- Ты, псина, говори да не заговаривайся. Место знай свое. Что-то разболтался сегодня. Что там с ужином моим? Проверил?

- Проверил. Скоро принесут.

Девчонка, тяжело дыша, смотрела на них, а потом взгляд на руки свои перевела - обе ее ладони измазаны черным. Потерла друг о друга и лицо свое потрогала. А Тархан на нее смотрит, и ноздри его трепещут, раздуваются. И жутко, и красиво выглядит в этот момент Дьявол, и видно, что от этого пристального взгляда русской становится еще страшнее, и она в самый угол юрты жметса.

- Неси мой ужин, БугА. Я голоден. И узнай у старого проныры, что там со сладостями. Пусть мед дает и яблоки в сахаре.

- Зачем? Ты же не ешь сладкое?

Зыркнул на карлика, и тот заткнулся, глаза свои огромные голубые закатил и вышел вперевалочку из юрты.

- И пусть найдет мне шлюху! Или даст своих дочерей! Я трахаться хочу!

Сказал и пристально посмотрел на девчонку, которая вся вспыхнула и чуть ли не закрыла лицо руками. Она уже успела натянуть на себя кофту и завернуться в жилетку.

Вспомнил, как начал к ней все чаще и чаще ходить. Сам не знал, почему. В это захолустье едет. Там ни товара, ни дел нет, а его прет туда, манит, тянет. Следил за ней. Его, бывшего монаха и воина шаолиня, ни один человеческий глаз не заметит, если он не захочет. В темноте двигается, как тень, днем прячется так, что и не увидишь, как бы солнечно не было.

Но девка эта словно ощущала его присутствие, оборачивалась, в испуге от воды шарахалась, если тень его позади себя замечала. Крестилась и богу своему молилась. Смешная. Забавная. На колени станет, руки сложит и шепчет что-то. Часами мог неподвижно наблюдать за ней, сливаясь с корой дерева и с листвой. Ему положено было раз в год. А он...а он каждый месяц и каждый раз, когда

свободен был.

Как-то дождь проливной лил, а он за ней шел, как обычно. Маршрут ее давно выучил. Ревностно следил, чтоб ни одна особь мужского пола следом не увязалась, иначе яйца оторвет. А она вдруг остановилась резко, наклонилась, что-то в кустах высматривая, а потом руку протянула, и Тархан оторопел от того, что увидел – котенка нашла. С собой его унесла. Ворковала над ним весь вечер, молоком поила. Гладила. Он в окно заглядывал. Завидовал котенку этому. Хотел, чтоб и его трогала вот так, чтоб пальцы ее касались так же нежно его волос. Никогда такого желания не возникало. Ласки не знал. И не хотел. Не нужно было. Когда с бабами трахался, ставил раком, член вгонял по самые яйца и долбил так, чтоб они орали и дергались. Никакой ласки. На хер она нужна, ласка эта. Секс придумали, чтоб мужик яйца опорожнил...Пока ее не увидел. И не захотел прикасаться. Сам.

А утром котенок удрал через приоткрытую дверь.

Искала его. Бегала, звала. Имя дурацкое дала. Васька. А Тархана от ее отчаяния самого начало трясти, как разрядом десяти тысяч вольт, а от слез и всхлипываний в груди запрыгало, затрепетало, забилося о ребра сердце, мучительно в камень сжимаясь. Хайртай в дом побежала, а он нашел котенка на дереве. Залез наверх, снял, за пазуху спрятал, спустился и во двор выпустил. И тут она выбежала с полотенцем, на колени упала, и смеется, и плачет, котенка к лицу прижимает, и целует. Тархан тогда впервые за много лет улыбался... потому что она улыбалась. Но потом вдруг подскочила, по сторонам оглядываясь, а котенок холку поднял, зашипел, на Дьявола естественно – неблагодарный паршивец. Русская в дом убежала, все двери и окна закрыла. Смешная. Как будто если он захочет войти, его что-то остановит.

Хайртай...Это он имя дал. Потом пожалел. Потом хотел другое дать. Но это больше всего подходило. И дико злило от понимания – она никогда ему принадлежать не будет. А если возьмет ее – оба сдохнут страшной смертью. На себя насрать. А ее он хотел такую. Живую. С глазами ярко-голубыми и кожей молочно-белой полупрозрачной с тоненькими венками, щеками с розовым румянцем и невесомым облаком медных волос, с крошечными тонкими пальцами и пухлыми по-детски губами. И этот запах ее тела, он кружил ему голову и сводил с ума. Дьявол сам не знал, что это такое с ним, не знал и злился каждый раз, когда от нее уходил. В свой мир, в свою бездну, в свою жизнь.

Забыть ее пытался. Шалав трахал, любовниц имел. Самых разных – и своих, и русских. В бои ввязывался без правил. На самое дно. Где до мяса, где кости ломать можно и мозги выкручивать. А забыть не помогало. По ночам он слышал ее смех и голос нежный, тонкий, глаза и ресницы пушистые мерещились, брови коричневые тонкие и носик крошечный.

Если он ее спрячет, заставит отца убрать подальше, то, может быть, не найдут. Другую подсунет Намсыру. Может, прокатит.

Оставалось весны дожждаться, когда сбор окончится и Дракону отвезут его мясо. Потом все будет кончено, и русскую можно будет забрать. И он ждал. Холодел и горел одновременно от одной мысли, что все же ему будет принадлежать рыжая. Себе возьмет. Но не взял... с его-то гребаным, еб***им счастьем, оно как всегда куда-то мимо пролетело. Намсыр, сука...других псов послал девок собирать. В подмогу Дьяволу. Но на самом деле кто-то, видно, уже нашептал в ухо Намсыровское какой-то хери про Дьявола. Замену ему ищет.

Не думал, что найдут ее...А потом все внутри обожгло серной кислотой, когда привязанную к дереву увидел. Утопить ужасно хотелось. Окунуть в воду, и чтоб задохнулась с остальными. Забыть ее, суку.

Но не смог.

– Не пялься так на нее, – проворчал Буга, – заметят. Что с тобой делается?

– Вон пошел, – прошипел сквозь зубы и резко взгляд от девки отвел. Но перед глазами все еще осталась грудь ее округлая, кверху вздернутая, и соски тугие. Во рту слюна выделилась от желания губами их обхватить и языком обвести.

– Я-то пойду...

– Вот и иди, не путайся под ногами.

– Шлюху вые*и и успокойся. Я двух для тебя нашел. Иди в юрту мою, там тебя ждут голые. Черт. Дьявол, какого хера ты на ее лицо смотришь? Не зря говорят, что на лица их смотреть нельзя. Как обезумевший ты все эти дни. Сам на себя не похож.

– Изыди! Пока я тебя не удавил. Где бл*ди? Блондинок нашел?

– Где я тебе в Монголии блондинок найду? Трахай тех, кто есть.

Тряхнул головой. К херам русскую проклятую. Все равно отдавать Намсыру и никуда от этого не деться.

Глава 6

Я узнала ее, цыганку, из той деревни, где мы праздник справляли. И хоть не была она на себя похожа и совершенно не напоминала мне больше цыганку, а сейчас она вся обвешана ожерельями, на ней наряд красивый темно-фиолетовый, расшит золотыми нитями, шапка на седых волосах меховая, я все равно ее узнала. И сердце глухо забилось, запульсировало в висках.

– Тыыыы! – вскрикнула я и бросилась к ней, но стража сцапала меня сзади за шкурку и потянула вверх. – Ведьма! Ты меня им сдала, да? Ты следила за мной? Это тыыыы! Я знаю, я чувствую, что это ты!

– Уймись. Дракону покорные невесты нужны, а не эта дура сварливая. Молчи. Хорош орать! Рот заклею скотчем и звука не издашь! А еще могу зелье дать выпьешь и уродкой станешь, волосы полезут. С шаманкой никто спорить не смеет у нас!

Мои стражи назад от нее шарахнулись. А сама она вокруг меня ходит туда-сюда, осматривает с ног до головы.

– Чокнутая, дерзкая. Но красивая. Особенная. Волосы медные, яркие. На солнце горят. Буга, лицо и волосы прятать надо. Чтоб на невесту Дракона не глазели. Не то от похоти дел могут натворить. Мужики на нее смотрят, и члены колом стоят. Слюни текут.

– Ты, ведьма старая, гадать мне не захотела. Видела я тебя. Ты меня им сдала. Ты, да? Ты что натворила? За что? Что я тебе сделала?

Я дергалась в руках стражников, а карлик и гадина даже не смотрели в мою сторону. Шептались, но мне все слышно было. Они это делали нарочито громко. И от этого страшно становилось.

- От Лхагвы ее спрячете, чтоб не увидел, ублюдок похотливый, может ее захотеть, как выкуп за проезд через его территорию. А платить все равно надо. Номер два ему отдадим...но чтоб эту не видел даже.

Подошла ко мне. Грудь пощупала, лицо покрутила в разные стороны, живот потрогала, бедра, ягодицы...

- А ну придержите ее, уложите на траву и ноги раздвиньте. Посмотрю, целка ли еще?

- Нееет! Смотрели уже! Не надо!

- Вы, девки русские хитрые. В разные дырки дать можете. Так что везде осмотрю. Я все понимаю.

Меня, как травинку, пополам перегнули, навзничь опрокинули и колени в стороны развели. Я заверещала так громко, что самой уши заложило, а монголка надо мной наклонилась и рукой между ног пошарила.

- Исцарапаю, глаза тебе выколю, тварь! Не трогай меня! - от ужаса даже скулы свело и пальцы скрючило, вывернутые стражниками. Старуха на них лицо подняла и шепчет хрипло, жутко губами шершавыми даже на вид.

- Быстро глаза позакрывали. Хоть один приоткроет, велю выколоть! Вы меня знаете! Мирела дважды предупредить не будет!

Пальцы стражников окаменели на моих коленях мертвой хваткой.

- Расслабься, а то целку пальцами порву. И по рукам пойдешь, а не в постель к Дракону. Я убедиться должна, что товар хороший.

- Я тебе... аааа... не товар. Не тронь, меня, ведьма проклятая.

Мирела лицо, испещрённое морщинами, ко мне склонила.

– Не дергайся! Тебе же лучше будет. Не твой это мир, законы иные у нас. Не ваши русские. Избрана ты. И судьба твоя сейчас решается в дороге этой. Отбор естественный жесткий – у меня таких чертова дюжина, и далеко не все доедут до конечной цели. Живьем закопают – кого целиком, а кого по частям. Хочешь себе судьбы такой? Сдохнуть в наших степях бесславной идиоткой безымянной? А можешь стать женой нашего господина Намсыра! Так что не дергайся. Не желаю зла тебе и больно не сделаю.

Дракон мне ваш на фиг не нужен, а вот умирать не хотелось. Совсем. Страшно она говорила, мне казалось, что по коже паутина липкая ужаса растягивалась. И глаза ее черные красными точками в зрачках светились, как у волчицы в ночи. Но отчего-то поверила я ей, что зла не причинит, и перестала биться, и позволила ей себя ощупать, губу закусил, когда ее холодный палец внутрь скользнул. А ведьма с колен поднялась и к воде пошла, руки сполоснула.

– Целка она, не солгал Дьявол. Сколько раз убеждаюсь – самый честный проводник. Веди к остальным, пусть вымоется и переоденется. В зеленое ее одеть с золотом. Сугар будешь. Почти как сахар на вашем. Гляди, волосы какие у тебя, на жженый сахар похожи.

– Не Сугар... Хайртай. Так мое имя с русского переводится. Не хочу другое имя.

Ведьма глазами зыркнула, с ног до головы осмотрела.

– Умная какая выискалась. Кто сказал, что имя сама себе выбрать можешь?

Буга пожал плечами.

– Черт с тобой. Хайртай, значит. Уводите.

И я наконец-то увидела девушек, о которых все говорили, и так странно стало, что раньше ни звука от них не слышала и не видела ни разу, а оказывается, они совсем рядом в воде плескались голышом. Едва меня завидев, замолчали, рассматривая. Странно рассматривая, словно я чем-то от них от всех сильно отличаюсь. Зашептались и снова смотрят. Приветствовать не торопятся, а мне и

не надо. Я не из тех, что друзей везде ищут. Я больше любила в одиночестве, с подружкой своей тоже случайно сдружилась, и то она нашу дружбу и поддерживала. Не умею я дружить. Слушать могу, рядом быть, а веселиться и развлекать плохо умею, иногда невпопад смеюсь, иногда говорю лишнее в глаза.

Отошла от них и воду на себя из ковша вылила. Вокруг ног водоросли обмотались, но я решила в панику не впадать. Мелко здесь и девушки рядом. Ничего не случится со мной. Не утону. И не утопит никто.

– Дракон ее патлы увидит и тут же прикажет вышвырнуть или своим псам отдать. Тоже мне, конкурентка. Буга, как всегда, пугал нас.

– Та ну, неправда. Красивая она. Волосы рыжие, как у ведьм рисуют, и тело белое, солнцем нетронутое.

Черноволосая девушка бросила на меня быстрый взгляд. А я нахмурилась и в воду посмотрела. Наверное, я вскрикнула, потому что они расхохотались.

– О, волосы свои увидела. Эй, русская, так всегда бывает. Вы тут страшными становитесь! Не светят тебе Намсыровы объятия!

– Орбай! Прекрати!

Бросилась за кусты, чтоб они не смотрели на меня и не смеялись.

– Эй! Русская! Мойся быстрее, а то скоро Буга с воды выгонит. Так и будешь тинной вонять!

Я осмотрелась по сторонам и снова ополоснулась водой. И чем мне мыться, у меня только ковш. Ни мыла, ни шампуня. Только подумала, по воде бутылка подплыла. Да, Мирела давала с собой, а я, когда раздевалась, на берегу оставила.

«Хайртай». Сама не знаю, зачем именем этим назвалась, оно в голове прозвучало в этот момент, и я его и сказала. Снилось оно мне. И не один раз. Открыла крышку с бутылки, понюхала жидкость – цветами пахнет. Полевыми. На голову из

бутыли жидкость вылила, моля бога, чтоб, и правда, запах тины на мне не остался, а то тошнит от него. Как вдруг ощутила скольжение по телу прямо под водой. Замерла с поднятыми к голове руками, и глаза открыть не могу, мыло зайдет. Сзади всплеск послышался, словно что-то большое из-под воды вынырнуло. От страха дышать стало нечем.

- Так и стой, и глаза не открывай.

И голос...когда шепотом - узнать невозможно.

Этот шепот. Почему мне кажется, что я его уже слышала, что все это уже было. Что когда-то именно этот шепот придумал мне имя. Неужели, и правда? Неужели слышала его раньше? Ведь мне Хайртай показалось незнакомым словом, а сейчас память выдает, что уже кто-то меня так называл...

Хотела вскрикнуть и не смогла, словно удавкой горло стянуло, и ни звука не вышло. Тяжело дыша, застыла вся в мыле, дрожащая от страха и от ощущения полной беспомощности. По ноге кто-то ладонью ведет, и я сама дыхание сзади слышу. По ягодицам вверх к пояснице чем-то острым и в то же время мягким, словно кончиком языка, по позвоночнику к затылку.

- Рук не опускай... Да, вот так. Не шевелись, Хайртай.

И голос этот дрожь во всем теле вызывает, вибрирует где-то внутри струнами, очень тонкими, как на скрипке, и в тот же момент хочется сбросить руки, и страх сковывает все тело. Пальцы скользят по талии к груди, они прохладные, дразнят соски. Внизу живота начинает трепыхаться что-то невиданно острое и мощное, оно отдает к скрещенным и сжатым ногам.

- Красивая, Хайртай, смертельно красивая с этими медными волосами. И кожа у тебя мягкая, сливочная, нежная. Так бы и смотрел вечность на тебя...Ты знаешь об этом?

- Кто ты?

- Не оборачивайся! Не важно... тебе нравится, когда я прикасаюсь к тебе?

- Нет.

- Лжешь, маленькая русская пленница. Тебе нравится. Особенно вот так...

Сжал соски, и я приоткрыла рот. От кончиков груди резким прострелом возбуждения вниз так, что запульсировала плоть.

- Маленькие, острые, тугие.

- Не смей!

- А кто мне запретит? Ты?

Пальцы скользнули между ног и, раздвинув складки, погладили, и я внутренне взвилась вся, а тело зануло от попытки пошевелиться.

- Крикнешь, тебя услышат и утопят. Молчи. Один звук, и ты умрешь...

Трение прохладной кожи подушечки пальца о выпирающий острый клитор, и я чувствую, как под закрытыми веками жжет то ли от мыла, то ли от слез.

- Мерзко... мерзко мне. Не прикасайся.

- Как же сладко ты лжешь.

Скользит между складками прямо внутрь и трепыхается у самого входа, и я внутренне трепыхаюсь от каждого движения. Задыхаясь от ненавистного удовольствия и понимания, что даже не вижу ублюдка, посмевшегося так нагло трогать меня под носом у бандитов и их жуткого предводителя, почти рядом с ведьмой и карликом горбатым. Ощущая, как нарастает ураган внутри. Незнакомый, такой болезненный и сильный, как надвигающийся смерч с огненными искрами.

Раскаленными кольцами вьется адское удовольствие между ног там, где палец умело и настойчиво выписывает одинаковые круги. Вся краска к щекам прилила, а пошевелиться не могу. А он дразнит, сжимает пульсирующими движениями, заставляя выгнуться в немом крике, и, сильно сжав ноги, замереть перед тем,

как забиться в оргазме.

Выгнувшись в пояснице и запрокинув голову, дрожать в судорогах невыносимого наслаждения, сжимая его палец бешено сокращающейся плотью и чувствуя, как слезы градом катятся по щекам.

– Хорошо тебе? Нравится, когда я тебя трогаю, когда ласкаю, м? Хайртай? Хочешь еще?

– Отвратительно! Ужасно! Кто ты? Тело насиловать и прятаться. Испугался? Трусливый! Тебя тоже утопят?

Но послышался всплеск, и все исчезло. Я быстро обернулась. Дрожащая, опустошённая, испуганная. Никого нет. Только кусты у воды колыхаются.

– Все на берег вышли.

И тут же вздрогнула, обернулась. Выдохнула, всхлипывая, закрывая грудь руками, оглядываясь снова по сторонам – никого. Словно привиделось все... но тело еще сладко ноет, и дергает плоть отголосками наслаждения. Еще никогда мне не было так хорошо от прикосновений, еще никто не доводил меня до оргазма никогда, и это было неожиданно и болезненно сладко. Вместе с отвращением к себе. С каким-то ощущением собственной распущенности, и в то же время будто знаю, кто меня касался.

Я к берегу побежала, полотенце старое схватила и тут же обмотала вокруг тела.

– Ты чего дрожишь, русская? Вода теплая.

Обернулась, а на меня карлик не моргая смотрит.

– А ну наклонись, лоб потрогаю. Вирус не подхватила? Не простудилась? Чего щеки красные, губы пунцовые?!

А мне мерзко стало от мысли – вдруг это он меня трогал или стражник – вот тот здоровый узкоглазый! Или вон тот с глазами красными, как будто дым в них попал. Но сказать Буге побоялась. Вспомнила слова старой монголки, да и

самого карлика о том, что трогать и смотреть нельзя. Кто знает, что мне за это могло быть.

– Одевайся! Уезжаем мы! К вечеру доедем до границы! Там чужие будут! Чтоб из повозки не высовывалась!

И посмотрел на меня зло. Я чувствовала, как сильно ему не нравлюсь. Он мне тоже не нравится. До зубовного скрежета.

Дальше нас в повозке везли, загнали всех в крытую кибитку, запряженную двумя лошадьми, и по обе стороны от повозки верхом бандиты едут. Топот копыт их лошадей слышно так отчетливо, что кажется, под ними земля дрожит. В дороге все притихли, и я не знала, от чего глаза у девушек округлились, и все они молча переглядываются, словно боятся. И я, как не от мира сего, не знаю, что там впереди нас ждет. Чем дальше, тем темнее становится, а ведь день еще не закончился, не так долго едем, и солнце в зените в самом было, когда нас всех под полог загоняли. Воздух становится насыщенно вязким, как будто серой отдает и болотами топкими. Эти места наводили ужас. Я всегда воды боялась, а болот и подавно. За мешковиной повозки вспыхнули фонарики.

– К перепутью приближаемся, Тархан?

Голоса вывели из оцепенения и задумчивости.

– Не знаю. Сигнального костра нет на берегу.

– А ты уверен, что раньше знаки были, а не обманки?

Ощущение, что я все еще сплю, вернулось с прежней силой. Как будто цивилизация исчезла совершенно, и я нахожусь в другом измерении. Мне страшно и очень странно, что мы не на машинах, а верхом и в повозке. Но здесь, наверное, так принято или легче передвигаться верхом.

– Уверен. Окружите повозку, и идем за мной шаг в шаг. Ни одного звука. Не нравится мне тишина эта замогильная.

Кто-то из девушек всхлипнул.

– Жутко как... и холодно.

– Молчи. И так страшно до трясушки, а еще ты тут зубами стучишь и каркаешь, как ворона.

– Лхагву боюсь... говорят, если выкуп запросит – а не дадут, утопит в топях живьем. Не все невесты до места назначения доезжают... мне бабка рассказывала, как в дорогу собирала. Лхагва девок себе отбирает. А потом их тела находят в черном озере без внутренностей. Он их сначала...

– Молчи! Много болтает бабка твоя. Услышит ее из наших кто, несдобровать ей будет.

– Тшшш... там... вой какой-то. Мамочкииии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/prisvoennaya-d-yavolom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)